

# Муниципальный этап всероссийской олимпиады по литературе

## Комплект заданий для 10 класса

2025-2026 год

**1. Выполните целостный анализ ОДНОГО из предложенных текстов (прозаического или лирического), учитывая следующие аспекты:** доказательные рассуждения с опорой на текст, наличие комментариев и оценок, выявление авторской позиции и способов её выражения, детальность аргументации, корректное использование литературоведческих понятий, логичность, связность, отсутствие грамматических и речевых ошибок, грамотность, использование фонового материала из области культуры и литературы. Вы можете опираться на предложенные направления, представленные после текста, или выбрать собственный путь анализа.

Дмитрий Бакин

### Нельзя остаться

Старик упал, возвращаясь из магазина субботним утром: нога его случайно ступила в узкий ржавый желоб водостока, заасфальтированный под небольшим наклоном, рядом с его подъездом. Пал он медленно, как падают старые люди, а все разрозненные мысли его, потаённые атомы сознания, мгновенно устремились в вывихнутую лодыжку, точно металлическая пыль к близкому магниту. Он услышал тихий взрыв бутылки можайского молока, почувствовал парной его запах, услышал свой стон, но ему показалось, что стон этот пал с высоты, зародившись в небесной синеве. Тёплый весенний ветер трогал его редкие спутанные волосы, трогал бледные скрюченные пальцы рук, которыми безраздельно завладел холод, проникал под полы старого, лёгкого плаща: он лежал с открытыми, давно слезящимися глазами, и все, что прежде было неподвижным вокруг него, пришло в медленное движение, словно вовлекая его в горизонтальное падение.

Рядом вдруг возникла маленькая белокурая девочка; остановив движение исконно неподвижного, она как ни в чем не бывало присела перед ним на корточки и поинтересовалась, который час: левая рука с часами лежала у него перед глазами, и, не чувствуя в ней ничего, кроме холода, думая, что именно с этой руки начнёт умирать, он тихо ответил, удивившись, что смог ответить, а девочка поднялась и быстро, легко

побежала к песочнице — так убегает время. И вновь пришли в движение дом и бордюрный камень, деревья и скамейки, тот клочок земли, что был под ним. Тогда-то он и понял, что более ему не встать, понял, что упал бы все равно, даже если бы не вывихнул лодыжку, может быть — не сегодня, но не позднее чем завтра, потому что боль в лодыжке забрала крохотный остаток сил, а новым силам попросту неоткуда было взяться: они покидали его и возвращались восемьдесят девять лет, и всегда он незыблемо знал — силы вернутся, знал так же точно, как сейчас знал, что они не вернутся.

Увидев, что старик долго не встаёт, к нему потянулись дети, игравшие во дворе; он знал их, и они знали его, но сознание затуманилось, затуманилось и без того слабое зрение, и перед глазами плавали светлые, дрожащие пятна их лиц, похожие на пульсирующих под водой медуз, двигались, приближаясь и отдаляясь, маленькие тёмные фигуры, двое кружили вокруг него на самокатах, и вновь движение живого прекратило движение мёртвого, прекратило движение земли под ним. Потом подошла женщина и ещё одна: они заговорили с ним, а он разобрал в их словах лишь вопросительные интонации. Понимая, что они хотят ему помочь, он попытался ответить, но не смог — с уголка разомкнутых для ответа губ по подбородку и щеке потекла горькая слюна. Женщины склонились над ним, взяли его под руки и попробовали помочь встать, но, услышав его стон, испугались, что могут навредить, отступили, переговариваясь между собой. По усилиям, которые они прилагали, чтобы его поднять, он понял, что им было тяжело, тогда как ему самому казалось, что вес его тела равен весу духа.

Между тем двор жил обычными своими звуками, тёплый ветер плескал звуки, как волны — брызги, шелестел ярко-зелёной весенней листвой, и шелест этот представлялся старику неведомой речью, чужим языком; скрипели качели, пели птицы, ворковали несколько десятков голубей, которых из года в год прикармливала одинокая старушка, жившая на первом этаже, лязгали металлические двери подъездов, издавали трели домофоны, люди в синих комбинезонах с сухим треском обламывали отжившие, незазеленевшие ветви деревьев, что и делали каждую весну, галдели дети. День обещал быть солнечным, тёплым, зовущим к жизни, но тепло этого дня бессильно было унять холод, завладевший скрюченными руками старика, теми самыми руками, чьи кисти прежде наливались жаром, как черешни спелостью. К нему подходили люди, наклонялись, переговаривались с женщинами, потом одна из женщин ушла, а другая осталась рядом с ним, подошел и остался мужчина, а он лежал ничком и смотрел слезящимися глазами на струйку можайского молока на сухом, потрескавшемся асфальте.

Никогда он не думал, не мог даже помыслить, что проживёт так долго, — он, хоронивший себя каждый день на протяжении четырёх лет Великой войны, которую

прошёл от начала до конца, целуя знамя, как иные — нательные крестики, в красной, пыльной материи жил его Бог; что, рождённый в начале века двадцатого, шагнёт в следующий, тот, про который скажет дочери: «Вот и наступил век, в котором не будет большего греха, чем честность». Не думал, что проживёт в новом веке почти полтора года, и лишь теперь, неподвижно лежа на сером асфальте, восьмидесятидевятилетний, он понял, как много ему было отмерено отцом и матерью в этом мире, где время — то друг, то враг.

Женщина, которая уходила, вернулась, он узнал её по голосу: она сказала, что вызвала «скорую помощь», и прошло не менее десяти секунд, прежде чем до него дошло, что домой более не вернуться никогда, и от необратимого осознания этого в голове вдруг вспыхнул ослепительно-белый шар и мгновенно улетучился, преобразившись в струю протуберанца; мозг и мышцы словно подверглись прямому воздействию, атаке тока, от чего он, как в далёкой молодости, почувствовал себя упругой, сжатой пружиной, и ему показалось, что он резко встаёт, проснувшись от спячки, будто проснулся навсегда, сильно отталкивается от земли, разжимаясь, но земля как была перед самыми глазами, так и осталась, а воображаемая пружина выстрелила из неподвижного тела, словно из неумело разобранный замок, и секундное молодое умоисступление сменилось всепронизывающей болью, вызванной мыслью о цветах. Он отдал им последние семнадцать лет жизни, отдал любовь и жалость; они безраздельно занимали все подоконники в квартире и многочисленные самодельные полочки на застеклённом балконе, буйным своим ростом закрывая стекла окон почти наполовину. За эти годы он досконально изучил характер своих цветов, древнюю несовместимость между видами, и знал, что одни притесняют других, и в качестве миротворца разносил их по разным подоконникам, расставлял по разным полочкам, следил, чтобы слабых не угнетали сильные. Вспомнил, как три года назад полтора месяца провёл в больнице, вернулся домой и увидел непохоронённую смерть на подоконниках и балконе: погибли даже кактусы, не говоря уже о водолюбивых, пышных цветах, погиб столетник — алоэ, соком и налитыми зелёными перьями которого лечил болячки на изношенной своей коже, будь то порез или ожог, нарыв или зудящая сыпь, а ведь он просил дочь поливать их хотя бы раз в неделю. Сухая земля, окаменевшая, как глина самих горшков, один из которых даже треснул, выпила всю их влагу и живую красоту неспешным глотком. Слезы ярости, вызванные ненасытностью земли и необязательностью дочери, заволокли тогда его глаза: в длинных полёгших стеблях он увидел страшную усталость, что осталась в них после тщетной борьбы за цветение без воды, и усталость мёртвых цветов вошла в него, потому что ему давно уже казалось, что его отношения с цветами достигли стадии немого взаимопроникновения. Бутоны

распались на иссохшие, пожелтевшие и побуревшие лепестки, а те, что не распались, имели цвет старой, запёкшейся крови, в этих бутонах, когда они были живы, он склонен был усматривать черты человеческих лиц разных национальностей — черты азиатские и африканские, черты европейские и черты северных народов, он знал, какие из них при помощи лимона мог привести в состояние гневной красоты, какие взбодрить раствором соли или сахара, каким, предварительно погрузив в банку с водой, изменить окрас при помощи веточки кипариса или лапки туи, каких омолодить, впрыснув в стебель настой махорки. Невыносимей всего было понимать, что, перед тем как полечь, они просили только то, что он им обещал.

Дочери он этого так и не простил, потому что Великая война отучила его прощать, при том что злопамятным он никогда не был и не стал таковым, но после этой войны доподлинно знал, что прощать можно, а что прощать нельзя.

Тогда бы ему и покончить с разведением цветов, избавиться от целых горшков, как от одного треснутого, но никому, кроме цветов, он не был нужен, и никто, кроме них, не был нужен ему. Он представил, какая бездонная душевная пустота ждёт его, какие ледяные веяния будут исходить от пустых белых подоконников и мёртвого балкона, и, посмотрев на старческие свои руки, которые в больничных стенах безделье словно тронуло распадом, тяжело встал со стула и принялся удалять из горшков листья, стебли и корни, предварительно полив водой окаменевшую землю, и ушло на это неполных два дня; пришедшую домой дочь он не удостоит ни единым словом. А потом, выходя на короткие прогулки во двор дома, заговаривая по обыкновению с пожилыми соседками, обращался с просьбой о цветочной рассаде, и благодаря их отзывчивости, сердобольности вскоре подоконники и балкон вновь зазеленели смыслом его жизни.

Теперь, лежа ничком, точно валун, обдуваемый тёплым ветром, будучи человеком честным до кости в языке и по отношению к другим, и по отношению к себе, он мучительно думал, легче ли будет умирать вместе с цветами или совесть замучит его, напоминая, что цветы были обречены им самим, его эгоистичной, безоглядной старостью. И мысли эти резали по мозгу, как по красному дереву. Если бы ему было к кому обратиться, он без сомнения заранее бы попросил, чтобы цветы разместили на его могиле и вокруг неё, прямо в горшках, — это та сень, что была бы ему мила, и он вверил бы их, вместо дочери, заботам дождя, ибо дождю доверял больше. Так было бы лучше для всех, но обратиться ему было не к кому и думать об этом нечего, тем более теперь, когда способность к речи, похоже, покинула его навсегда.

Он был рад, что в этот день дочери не было дома, слышал, что женщины, оставшиеся с ним, пытались дозвониться к ней по домофону. Он плохо думал о дочери, и лишь

ожидание внуков, затянувшееся на двадцать лет, сдерживало его гнев все эти годы, но после того, как ей минуло сорок, ожидание он похоронил, а нерастраченной нежностью своей напитал корни цветов. До того, как по вине дочери погибли цветы, он иногда впадал в состояние всепрощения, как впадают в маразм, выискивая, и не всегда тщетно, оправдания её поступкам, червоточинам характера, эгоизму и лживости: она была поздним ребёнком, рано потерявшим мать, а он был намного старше её матери, но оставался ещё долгое время живым.

Женщина красивая и чрезвычайно умная, дочь двигалась по жизни, решительно отринув совесть, и прекрасные синие глаза её, обращённые на мужчин, источали почти осязаемую опасность, подобную той, что кроется в затопленных скотомогильниках: в итоге она ухитрилась отравить жизнь не только тем, кто имел несчастье оказаться с нею рядом, но, как это часто бывает, и самой себе. Не раз вечерами он заставлял её плачущей от злости одним глазом, и по руслу, проложенному первой слезой, текли все остальные слезы; давно уже он не говорил ей, что жизнь обмануть невозможно и что за содеянное воздастся сторицей, ибо она категорически отказывалась верить в справедливость, давно не говорил, чтобы не искала личного спасения в церкви, если не собиралась измениться, в той церкви, куда время от времени ходила, не иначе для того, чтобы покаяться в изменности своих небес, говоря подружкам, что ходит каяться в многочисленных абортах. Редкие, неискренние порывы эти проходили очень быстро, и вновь она целенаправленно и поэтапно продолжала действовать во вред всем и себе, и объяснялось это тем, что острый женский ум её всегда находил больше пищи для ненависти, нежели для любви.

Недавно она сказала ему: «Не мешало бы и тебе хоть раз в жизни сходить в церковь, — и сказала, — ведь ты убивал». На что он ответил: «Если в церковь ходят такие, как ты, мне там делать нечего».

Он знал, что она давно недолюбливала его, нервно терпела, чувствовал, что извёл её своей немощью и обидчивостью, запахом глубокой старости, от которого она задыхалась, говоря, что задыхается от влажного земляного духа цветов, вбиравших в себя все то, чем единственно в доме она могла бы дышать, заключив, что совокупность запахов старости, земли и цветов и есть трупный запах. Она говорила: «Прихожу домой — и такое у меня чувство, что здесь неделю или две назад кто-то умер, а его и не думают выносить». Не возражавший, смертельно надоевший ей, он чувствовал, что в его дряхлости она видела своё будущее, испытывая при этом бешенство и страх. Когда-то она сказала ему, что небытие наступит для неё после пятидесяти лет, сколько бы ни прожила потом.

Он не знал, станет ли она хоронить его или просто уедет на несколько дней.

Всегда он знал, что воспоминания о войне будут его последними воспоминаниями, ибо

Великая война была самым грандиозным событием в его жизни: перед ней меркло все — и рождённая дочь, и не рождённые дочерью внуки, и космос, принявший вторжение человека, и океан, смилившийся с тем, что была измерена его глубина. Это были единственные четыре года из восьмидесяти девяти, когда он мерил время весом, как собственное тело; кроваво-земляное содержимое этих лет и было грузом, что нёс он по сей день, и вот впереди замаячило небытие — единственное, что могло его от этого груза освободить. В малейших деталях он помнил начало и конец войны, а между началом и концом — вязкость, плотность времени превосходили вязкость и плотность воды: для простого пехотинца не было ничего важнее тупой выносливости и не менее тупого бесстрашия, с каким должно исполнять приказы. Помнил своего товарища, смертельно раненного осколком, и тогда впервые увидел ужас жизни в разверстой ране, где полдвижения вперед и полдвижения назад делает умирающий пульс; помнил первого немецкого солдата, которого убил собственноручно, перерезав ему горло штык-ножом, испытав при этом дикую ярость, завладевшую им в момент убийства, как пучина воды, ярость, обращённую на себя за нежелание убивать, засевшее в нем глубоко под броней долга, помнил, как смотрел тогда на свои руки, залитые густой остывающей кровью, липкой настолько, что ею, казалось, можно было склеивать развалившуюся мебель. Сопrotивляясь притяжению сна, которое бывает столь же необоримо, как притяжение земное, он погружался в глубины памяти, вспоминая, как чувствовал себя в те годы: то частью обороняющейся, а затем наступающей массы, то впадал в состояние острейшего одиночества перед неизбежной скорой смертью, потому что частью массы умереть нельзя.

Четыре года он шёл к берегу реки, не зная её названия, не ведая даже о её существовании, шёл к апрелю, его середине, когда армии трёх фронтов взяли в кольцо столицу вражеской страны, город, где, по тогдашнему его глубокому убеждению, он и найдёт свой конец наряду с тысячами и тысячами таких же, как он, из тех двух с половиной миллионов солдат, что должны были участвовать в операции. И приодёрские земли приняли огромные силы артиллерии, мотострелковых частей и пехоты, танков и самоходок. И шестнадцатого апреля в пять часов утра темнота содрогнулась и вознеслась на небеса, мгновенно вытесненная всепоглощающим огнём, словно плазма солнечного ветра лизнула Землю, перед тем как само Солнце безвозвратно поглотит её, расплавит в своей водородно-гелиевой субстанции, нарушив череду планет. Разом ударили десятки тысяч орудий и миномётов, и, оглушённый, он увидел, как утренний туман жался к поверхности реки; воздух и твердь земли сотрясали громopodobные удары крупнокалиберных гаубиц, слившиеся в нескончаемый раскат; вой реактивных снарядов, грохот пушек и миномётов пригибали людей к земле, как шквальный ветер траву, сверху

неслось штопорное, ввинчивающееся в уши жужжание и пронзительный свист, навывлет поражающий мозг, а потом, через полчаса после начала артиллерийской подготовки, в течение которой было выпущено полмиллиона снарядов и мин, все вокруг залил ослепительный, мертвенно-белый свет, свет, который, казалось, полностью исключал жизнь и нёс с собой гибель мира, — одновременно вспыхнули почти полторы сотни зенитных прожекторов, установленных цепью через каждые двести метров, направленные не вверх, а в сторону осаждаемого города.

Он попытался вызвать в памяти сам штурм, освобождение города, самые долгие недели в своей жизни, продвижение от дома к дому, от подвала к подвалу в дыму и пыли бетонной и каменной крошки, в густом запахе гари, вытеснившем не только запах пота и пороха, но и запах смерти, среди руин строений, что были возведены руками тех, с кем они так долго воевали, убивая и погибая, но в какой-то момент память изменила ему, и с трудом и страхом он осознал, что не может вспомнить то, что помнил ещё вчера и даже сегодня, до падения, точно память подёрнул дым того разрушенного захваченного города, накрыл те далёкие события, которые и сейчас были для него важнее судьбы цветов. Вспомнил лишь невысокого худощавого немецкого офицера, который вдруг появился в дверях наполовину уцелевшего дома безоружным, среди ураганной стрельбы, то, как надменно он встретил смерть; серую кошку с раздавленным мотоциклетной люлькой крестцом на одной из улиц, которая, перебирая передними лапами, крутилась вокруг оси, как секундная стрелка на циферблате в отсутствие минутной и часовой; и победу, когда, выпустив в небо автоматный рожок, он бесцельно брёл по разгромленному чужому городу, глухонемой от счастья, покачиваясь, словно на голову обрушился десяток чугунных подков, среди солдат, широко открытые рты которых беззвучно кричали, а автоматы, дёргаясь в грязных руках, беззвучно посылали свинец в облака.

На некоторое время он прикрыл слезящиеся глаза, а когда открыл их, вокруг что-то неуловимо изменилось: женщины и мужчина, оставшиеся с ним, пришли в движение, он услышал звук мотора и почувствовал запах выхлопных газов, а потом увидел, как на него медленно надвигается, затем останавливается белый борт с красным крестом, внося смятение в его угасающее сознание, потому что никогда ещё его не обманывали так открыто; веки его опустились и поднялись в попытке избавиться от плёнки слез, смятение исчезло, а пустые десны, не способные издать зубовой скрежет, крепко сомкнулись, сомкнулись отвердевшие вдруг губы, пресекая струйку горькой слюны, и ему показалось, что перед неправильностью увиденного спина наливается силой, а мозг возвращает к жизни незыблемое убеждение — крест должен быть чёрным, а красным должно быть знамя.

**Направления для анализа:** смысл названия произведения, нравственно-философские проблемы рассказа, выявление авторского «Я», особенности повествования, пространственная структура произведения, сюжетная роль второстепенных героев и способы их обрисовки, назначение потока сознания, роль языковых, художественных средств в выявлении основной идеи текста. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

**Саша Чёрный**

### **Утешение**

Жизнь бесцветна? Надо, друг мой,  
Быть упорным и искать:  
Раза два в году ты можешь,  
Как король, торжествовать...

Если где-нибудь случайно, –  
В маскараде иль в гостях,  
На площадке ли вагона,  
Иль на палубных досках,  
Ты столкнёшься с человеком  
Благородным и простым,  
До конца во всём свободным,  
Сильным, умным и живым,  
Накупи бенгальских спичек,  
Закажи оркестру туш,  
Маслом розовым намажься  
И прими ликёрный душ!  
Десять дней ходи во фраке,  
Нищим сто рублей раздай,  
Смейся в горьком умиленьи  
И от радости рыдай...

Раза два в году – не шутка,  
А при счастье – три и пять.  
Надо только, друг мой бедный,  
Быть упорным и искать.

1922

**Направления для анализа:** идейно-тематическая направленность, связь жанра произведения с проблематикой, образ лирического героя, композиция, связь ритмической и звуковой организации с содержанием текста, его стилистические особенности (лексические, фонетические) Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

## **2. Творческое задание**

Напишите статью о своеобразии художественного мира и поэтической индивидуальности А. А. Фета (стилевой портрет поэта) с опорой на известные вам тексты и с использованием образов-символов, характерных для поэтического творчества А. А. Фета: утро, заря, весна, ночные тени, роза, ландыш, сирень, дуб, берёза, живая ладья. Объём работы 250-270 слов.